

Денмухаметова Э. Н.

**РОЛЬ АРАБИЗМОВ КАК ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 90-Х ГГ.**

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/26.html](http://www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/26.html)

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 68-70. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/](http://www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

au milieu de l'inconnaissable peuple nocturne, le premier pas de sa conquête. Elle restait là. Elle regardait, triste... (A. Saint-Exupéry. Vol de nuit).

Как можно определить при анализе контекста, рассматриваемое нами сложноорганизованное событие [E] конституируется тремя событиями, которые можно реконструировать. Сведя их к семантическим примитивам: событие E-1 (la conversation avec la femme avant le vol), событие E-2 (les adieux: в тексте 'rit', 'embrassa', 'serra', 'souleva'), событие E-3 (la femme après son départ). Событие E-2 имеет значение тонкального нетаксисного следования относительно эксплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки находящейся в предтексте в виде события E-1 и значение тонкального нетаксисного предшествования относительно вспомогательной референциальной точки, представленной событием E-3, которая находится в посттексте.

(7) И она [Надежда Федоровна] вошла в дом. Марья Константиновна *усадил* ее, *дала* кофе, *накормила* сдобными булками, потом *показала* ей фотографии своих бывших воспитанниц - барышень Гаратынских, которые уже повыходили замуж, *показала* также экзаменационные отметки Кати и Кости; отметки были очень хорошие, но чтобы они показались еще лучше, она со вздохом *пожаловалась* на то, как трудно теперь учиться в гимназии... (А. П. Чехов. Дуэль).

В примере (7) сложноорганизованное событие E, состоящее также из нескольких последовательных действий / фактов F: F1 '*усадил*', F2 '*дала* кофе', F3 '*накормила*', F4 '*показала* фотографии', F5 '*показала* отметки', F6 '*пожаловалась*' в форме прошедшего времени СВ, выражает тонкальное следование относительно эксплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки отсчета 'она вошла в дом', представленной в предтексте.

Таким образом, системное значение аориста в английском, французском и русском языках состоит в обозначении целого, нерасчлененного действия в прошлом. В качестве основной временной характеристики аориста в функционировании в макроконтэксте принимается выражение тонкального предшествования, которое выявляется при анализе зафразового контекста, содержащего референциальную точку. Функционируя в повествовательной рамке макроконтэкста, действия в аористе образуют сложноорганизованное событие E и находятся друг с другом в отношениях предшествование / одновременность / следование в зависимости от соотносительности с различными точками отсчета.

#### Список использованной литературы

1. **Аорист** // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 416 с.
3. **Борковский В. И.** Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. М.: Наука, 1965. 555 с.
4. **Poutsma H. A.** Grammar of late modern English. Groningen, 1914. Part II: The parts of speech. 384 p.

#### РОЛЬ АРАБИЗМОВ КАК ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ 90-Х ГГ.

Денмухаметова Э. Н.

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

90-е годы XX века являются особым периодом не только в истории страны, но в жизни каждой творческой личности, что выражается в их творениях. Демократические перемены в обществе дают возможность свободомыслия, раскрытию национально-патриотических и сугубо индивидуальных чувств, которые оставили свои следы и в татарской поэзии этих лет. Как отмечает Т. Галиуллин, в эти годы поэты все чаще начинают обращаться к таким понятиям, как «надежда», «свобода», «история», «знание», «народ и нация», «независимость», «будущее», «геройство» и т.д. [Галиуллин, 2003, с. 7]. В произведениях видных татарских поэтов как М. Аглямов, Ф. Яруллин, Ш. Маннапов, А. Рашитов, З. Мансурова, Р. Низами, А. Баян, Р. Харис и многих других четко проявляются вышесказанные понятия, которые выражаются разными лексическими средствами, в том числе и синонимами из разных языков, которые именно в эти годы начали активно проникать в татарский литературный язык и нашли свое место даже в поэтических произведениях.

Наиболее частотными среди заимствованной лексики являются арабские и персидские слова, которые веками просуществовали в языке до "Советской эпохи" и именно в 90-е годы вновь были возвращены. В данной работе мы попытаемся установить основные тенденции употребления этих слов, как синонимов в татарской поэзии 90-х годов.

Как известно, в последнее время в отечественной и зарубежной лингвистике насчитывается довольно большое количество работ, посвященных проблемам синонимии. Хотя в трудах Ю. Д. Апресяна, В. Г. Вилломана, В. А. Гречко, А. П. Евгеньевой, С. В. Лебедевой, А. А. Залевской, Ш. Ханбиковой, Ф. С. Сафиулловой и др. рассматриваются различные аспекты данного языкового явления, но существует и множество нерешенных вопросов, подлежащих переосмыслению ввиду неполной ясности и определенности. Например, Т. И. Абрекова определяет синонимы как однополевые категориально идентичные словарные единицы, совпадающие по объему в одном или нескольких словарных значениях. Н. Н. Амосова конкретизирует это понятие, считая, что синонимы - это слова, выражающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга смысловым оттенком или по различной стилистической окраске. Синонимы могут возникнуть в результате

появления новых значений у имеющихся уже в языке слов, в результате словообразования, возникновения устойчивых словосочетаний и т.д. [Акимова, 2004, с. 34]. В. Г. Вилюман считает синонимами лексические единицы, различающиеся хотя бы одним семантическим компонентом, совпадающие в сочетаемости и взаимозаменяемые в одном контексте и невзаимозаменяемые в другом [Вилюман, 1980, с. 123]. Таким образом, одни исследователи считают необходимым признаком синонимии тождество значений слов. А согласно второй точки зрения, синонимы имеют близкие, но различающиеся какими-либо оттенками значения. Признание синонимами слов, тождественных по значению, представляется некоторым лингвистам спорным, так как по закону экономии языковой материи абсолютно тождественные единицы должны стремиться к разграничению в семантике, оценочности, сочетаемости. Конечно, в системе языка в качестве тождественных могут выступать дублетные формы (в основном, исконное и заимствованное слова), но их количество в языке довольно ограничено и существование многих из них является временным (за исключением терминов). В лингвистической литературе существует и третий, компромиссный подход к этой проблеме. Согласно чему, синонимы - это слова близкие или тождественные по значению.

Однако, все ученые едины в одном, что важнейшая стилистическая функция синонимов - быть средством наиболее точного выражения мысли. Поэтому уместное употребление автором таких лексических единиц считается показателем владения языком и красноречием.

Исследования татарской поэзии 90-х годов показали следующее:

1. Самыми активными синонимами в поэзии (как и в разговорном языке) являются имена существительные, имена прилагательные и глагол, а пассивными - служебные части речи (союзы, послелоги, частицы), что объясняется жанровыми особенностями. Стоит отметить: что арабские и персидские заимствования в качестве имен существительных и прилагательных используются в исконном варианте, а в качестве глагольных форм лишь в основе слова с другими тюркскими словообразовательными аффиксами.

2. Нужно заметить и то, что многие лексемы этих частей речи употребляются в стихах целым синонимическим рядом, которым они представлены в «Словаре синонимов» татарского языка [Ханбикова, 1999]. Например, под доминантой «*кеше*» даются такие лексические единицы как *адәм* (араб.), *инсан* (перс.), *бәндә* (перс.), *кемсә*, которые отличаются между собой и семантической окраской, и стилистическим употреблением, на что акцентируют внимание читателя в своих стихах М. Аглям, И. Юзеев, Х. Аюп и др.

Йомыркадан чыккан чебеш кебек

Таш капчыктан чыгып килә бәндә...

Нәүмиз булып күзгә карап тора

Бер гөнаһсыз *кеше* гомерләре ... (М. Аглям)

3. Самыми часто употребляемыми лексемами в стихах можно назвать следующие синонимы: бала - сабий (араб.), нарасый (араб.); ышаныч - өмет (араб.), терәк, таяныч; рәнжү (перс.) - әрнү, үпкә, ачу; мәхәббәт (араб.) - сөю, ярату; курку - өркү, шүрләү (перс.), хәвефләнү (араб.), йөрәк ярылу; изге - газиз (араб.), мөкатдәс (араб.), бөек; серле (араб.) - тылсымлы (араб.), сихерле (араб.), сихри (араб.), яшертен и т.д., которые служат для раскрытия значения вышесказанных понятий.

4. Во многих произведениях поэты, используя синонимы, хотят избежать тавтологии, и уточнить смысл многозначного слова. Например, «*кичерү*» - имеет значения /переправлять/ и /прощать, простить/. В отличие от него лексема «*гафу итү*», которое заимствовано с арабского языка, используется в языке лишь с последним значением.

Мин *кичермим!* Мәңге *гафу итмим!*-

Өткәң-әнкәң жыры шул булыр.

Татар! Татар! Моңы аңлаганчы

Вакыт *узган булыр, соң булыр!* (Зульфат)

5. В некоторых случаях синонимы выступают в роли пояснения заимствованного слова. В поэзии 90-х годов поясняются в основном арабо-персидские слова и интернациональная лексика: *сәясәт* - политика; *мираж* - рәшә; традиция - йола; *сәгадәт* - бәхет (счастье) и т.д.

Мөстәкыйльлек шулай килер дисәк,

Бу алдавыч, **мираж**, бу - **рәшә**,

Һәм әйтәчәк халык күздәз тотып:

“Рәзбе татар шулай көрәшә!” (М. Аглям)

6. Во многих случаях синонимы используются как однородные члены предложения, тем самым обогащая и пополняя разными оттенками значение данной лексемы.

Син ипләгән, син сипләгән сүзләр

*Аңлап, сизеп, тоеп* карасаң-

Якты гомер, утлы күмер икән ләбаса! (Зульфат)

7. Встречаются синонимы, употребленные для передачи патетического тона сказанным. Нужно заметить, что такая функция синонимов чаще наблюдается в произведениях М. Аглямова и Зульфата. Например:

*Изге* өем минем, *газиз* Татарстан!

Ничә буын инде синдә тапмый жылы,

Яки уңга китә, яки сулга китә.

Уңга -сулга китә улларыңның юлы (М. Аглям).

Были выявлены примеры, где с помощью синонимов передавались продолжительность, интенсивность

процесса.  
Яшәргә килгән буласың  
Матурлык белән генә,  
Мәгънәсез Вакыт  
*Сындыра*  
*Жимерә Вата*  
Бөгә (М. Аглямов).

8. По поводу авторских находок - авторских синонимов нужно отметить, что такие варианты синонимов чаще используются у карифеев татарской поэзии 90-х годов, а начинающие авторы стремятся употребить лишь устойчивые выражения, устоявшиеся синонимичные варианты. Например, у Зульфата можно встретить следующие синонимы: *шәриктәш* - *иттәш*, *замандаш*, *гомердәш*, *шигырьдәш*; *түгел* - *чайпал*, *ташы*; Р. Зайдулла использует такие слова как *таму-коелу*; *ау* - *егылу* - *жирне шаку*; *дулау* - *кыйнау* и т.д.; в стихах М. Аглямова наблюдаются такие пары как *кан бирү* - *жәң бирү*, *әйтә* - *сөйли*, *сорау алу* - *жәвапка тарту* и т.д.

Таким образом, нужно заметить, что поэты 90-х годов широко и всесторонне используют слова - заимствования, в том числе и арабского и персидского происхождения, с синонимичным значением для передачи своих ощущений, душевной радости и боли, сострадания и надежды.

#### *Список использованной литературы*

1. **Акимов О. В.** Термин как единица терминологического поля и профессионального дискурса в разноструктурных языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
2. **Виллюман В. Г.** Английская синонимика. М.: Высшая школа, 1980. 342 с.
3. **Галиуллин Т. Н.** Шигърият офыклары // Татар шигърияте. 1980-2000 еллар. Казан: Мәгариф, 2003. 352 б.
4. **Ханбикова Ш. С.** Синонимнар сүзлеге / Ш. С. Ханбикова, Ф. С. Сафиуллина. Казан: Хәтер, 1999. 256 б.

#### СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ

*Дульянинов А. Г.*

*Иркутский государственный лингвистический университет*

Рекламная коммуникация ставит собой целью не только информировать адресата, но и формировать определенные представления, оказывать воздействие, вызывать изменения в эмоциональном состоянии, взглядах, оценках, моделировать социальное и индивидуальное поведение. Понимание коммуникации вообще и рекламной в частности как процесс формирования и передачи культурных смыслов указывает на то, что разные аспекты индивидуального опыта и поведения обусловлены принадлежностью человека к социальной группе, которая сегодня выступает как средоточие коммуникативных отношений. С этой точки зрения язык (в широком смысле как речевая деятельность) - это особая форма поведения, причем язык принципиально не рассматривается как всего лишь «проводник», обслуживающий другие формы поведения, и тем более - как пассивное, застывшее отражение действительности. Язык рассматривается как окно во внутренний мир человека, мир его социальности [Макаров, 2003].

Что касается лингвистического статуса «языка рекламы», то он определяется зависимостью смысла этого феномена от двух факторов: от содержания, которое вкладывается в термин «язык», и от того места, которое язык рекламы занимает сегодня в системе функциональных разновидностей национального языка. Рассматривая язык СМИ, к которым относится и реклама, Ю. Н. Караулов отмечает, что если «понимать язык как системно-структурное образование, основной функцией которого является коммуникативно-информационная, то культурно-речевой аспект, охватывающий вербально-грамматические средства и их отношение к литературной норме, окажется достаточным для описания и изучения так называемого языка». Но если под термином «язык» подразумевать (помимо того, что это «предназначенная для коммуникации знаковая система») также когнитивное и прагматическое содержание, то язык предстает как национальный поток сознания современного человечества. Тогда изучать и описывать язык необходимо «в свете того, какой мир он нам репрезентирует и какие ценности он отстаивает, какой возможный мир он предвидит и нам его открывает как хороший, желанный, идеальный» [Караулов, 2001, с. 15-16].

Первая точка зрения выражена, в частности, в исследованиях П. Б. Паршина, который не рассматривает язык рекламы как тот или иной поэтический язык, имеющий «отчетливо выраженные структурные особенности (другой словарь и другую грамматику), отличающие его от того же самого языка в других сферах его употребления». По его мнению, это «тот же самый язык, что и в большинстве других сфер его повседневного бытования», язык рекламы не содержит каких-то особых языковых средств членения мира, а «включает лишь различного рода специфические для рекламы семантические конфигурации» [Паршин, 2001, с. 559-560].

Второй подход представляет собой поворот в сторону функционализма, попытку осмыслить язык рекламы как инструмент категоризации мира, средств выражения и отражения когнитивной деятельности человека. Данный дискурсивно-когнитивный подход к исследованию языка рекламы в той или иной степени находит отражение в работах Р. Барта и У. Эко.